
А. А. ГАГАЕВ, П. А. ГАГАЕВ

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ В ПРОБЛЕМЕ ДИАЛЕКТИКИ И ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ

В мышлении здоровый смысл относят к практическому мышлению. В рамках субстратного подхода мышление включает в себя теоретический разум, практический разум, повседневно-обыденный разум, эволюционный разум, этнический разум, а формой их синтеза выступает здоровый смысл. Последний есть психофизиологический орган мозга, моделирующий из средних аксиом в антиномической логике природную социокультурную динамику, то есть закон природы и развитие общества.

Ключевые слова: *диалектическая логика, теоретический и эмпирический разум, антиномическое умозаключение, этнокультурная форма науки, субстратный подход, истина, космогенез и антропосоциогенез, космо-психо-логос, закон природы.*

Динамика социокультурных, а также экстернатальных и интернатальных факторов открытий и изобретений, науки, культуры, цивилизаций заставляет непрерывно возвращаться к проблеме соотношения философии как науки, и в особенности диалектики и диалектической логики как одного из оснований науки и культуры.

1. Диалектическая логика, диалектика и наука

Нельзя пройти мимо пустой (длящейся во времени) идеологической дискуссии по проблеме – считать или не считать диалектику наукой, равно и диалектическую логику.

Сама подобная постановка вопроса носит средневековый в негативном смысле слова характер. В свое время К. Поппер утверждал, осуществляя критику диалектики, что невозможны логики, в которых допускается истинность прямо противоположных в контрарном и контрадикторном смысле утверждений. Оказалось,

Философия и общество, № 2, апрель – июнь 2013 65–82

что подобные логики возможны, и более того, – в естествознании они практически используемы.

В. Садовский, В. Свинцев, В. Смирнов, не имея понимания ни диалектики, ни диалектической логики как теории содержательного антиномичного вывода в многоязыковой семантике, силлогизмах с множеством терминов, законами исключения 4-го и 5-го отменяют эти науки (подобно тому как наши советские философы отменили математическую логику, кибернетику, генетику, экспериментальную психологию, гелиоисторию и т. п.) и выводят из них все грехи советской власти. Но науки отменить нельзя! Когда же, наконец, столичные философские симулякры обретут рассудок?

Совершенно прав В. С. Швырев, характеризуя дискуссию о формальной, математической и диалектической логике как чистую идеологию. В этой дискуссии нет научности. Совершенно прав и В. С. Библер, термилируя диалектическую логику как онтологику. В. И. Вернадский глубже понимает диалектическую логику как семантику и синтаксис для особенных научных объектов исследования. Если выразиться современным языком, то это – трансформационная грамматика с категориальной базой, но лишенная преимуществ формы диалектики.

Голос В. И. Метлова почти не слышен. Но он глубоко прав, связывая кризис в науке именно с отказом от разработки диалектики и диалектической логики как систем, моделирующих: а) эволюцию объектов и предметов наук; б) общенаучные исследовательские методы; в) системы антиномичного содержательного вывода во многоязыковых научных семантиках в условиях прогрессирующего синтеза и дифференциации научного знания; г) общую теорию открытия.

Он прав, считая безумием отказ от диалектической логики в период, когда ее следует развивать, используя современный аппарат формальной и математической логики, ибо только на этом пути возможно создание основных моделей предметности в науке и работающих логик научного открытия.

Нисколько не утрачивает своей методологической значимости феноменолого-структурно-функциональная методология анализа материального и идеального, субъекта и объекта, сфер общества В. С. Барулина.

Основная масса новомодных философских исканий суть (авангард, модерн, постмодерн, субпостмодерн) именно не философия, а философствование, гаджет или на базе западной методологии, или вообще безо всякой методологии, вне всякой связи с живой наукой. То, к чему должны стремиться философия и философия науки, – создание общенаучных исследовательских методов для особенных предметностей и в этом смысле, и таким способом к практической работе в науке!

Мы думаем, прав Ф. Ницше: «Тогда, словно шепотом, сказала она мне: “Самые тихие слова – те, что приносят бурю. Мысли, ступающие голубиными шагами, управляют миром”»¹.

Определим диалектику и диалектическую логику следующим образом.

1. Основана на синтезе пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной и субстратной.

2. Исследует объекты и предметы наук в их тождестве и различии.

3. Объект – космос в целом, космологический принцип в отношении языков наук, а предмет – формально-содержательный вывод и общий эссенциальный язык связи языков математики, естественных, технических, гуманитарных, социальных наук, искусства, религии. Система категорий диалектики и диалектической логики и есть этот язык.

4. Моделирование космогенеза и социоантропогенеза в целом как объективная диалектика адекватных процессов в сознании – субъективная диалектика и диалектическая логика. Теория противоречий, совместимости-несовместимости, обоснования, открытия.

В монографии Е. П. Никитина² не осуществляется разработка субстратного подхода, но автор (исходя из традиционного понимания субстрата как вещиности, состава) применяет его для анализа и синтеза процедур объяснения, понимания, доказательства и т. п. Все виды рассуждений – типа дефиниендум и дефиниенс, экспланандум и эксплананс и т. п. – редуцируются к тому, что обосновывается, и к тому, посредством чего обосновывают, или основанию. Это и есть, по существу, релятивные субстраты в сфере идеального,

¹ Ницше Ф. Соч.: в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 106.

² Никитин Е. П. Природа обоснования: субстратный анализ. – М., 1981.

обоснования. Автором выявлен большой класс проблем субстратного подхода в области формальной логики. Это вопросы обоснования субстратной модели связывания атрибутивных, релятивных, функциональных характеристик объектов в системах; связи субъективного и онтологического обоснования; синтеза универсализирующего (дедуктивного) и уникализирующего (индуктивного) обоснований, то есть синтеза индукции и дедукции.

С некоторыми решениями автора в указанных областях вследствие его понимания субстрата согласиться нельзя. Так, обоснование им рассматривается как исключительно идеальная процедура. Это утверждение вытекает прежде всего из трактования субстрата как элементного состава. Однако в обосновании участвует субъект с особым способом познания, который он в форме операций, производных от способа познания и от объекта, прилагает к этому объекту, получая некоторый результат. Здесь четыре компонента, а субстрат – связь детерминаций, идущих от субъекта и объекта. Далее, идеальным является основание, например твердое тело, но не субстрат, представляющий собой единство абстрактно-единичного и конкретно-единичного признаков. Поэтому обоснование включает в себя: а) обоснование со стороны основы, субстрата – основания, его определение (систему определения), то есть онтологическое обоснование в исходном пункте; б) субъективное идеальное процедурное обоснование того, что обоснуется (то, что определено основанием и основой вместе).

Лишь построив лестницы оснований и основ, мы можем создать систему дедуктивно-индуктивного обоснования связи условных суждений, определений, экспликации понятий, объяснения, ретросказания, доказательства.

Обосновывающий процесс в направлении от основания (всеобщего) к единичному и основе-общему суть движение истины от оснований к следствиям при предположении, что основание суть аксиома, которая не доказывается и не определяется, но движение истины от основы (общего) к основанию (всеобщему) суть уже движение истины от следствия к основанию, в рамках которого основание, то есть аксиома, обосновывается и доказывается, определяется.

Движение истины от единичного к общему и определение им всеобщего суть движение истины от следствий к основаниям, в ко-

тором и сама основа – общая, а не всеобщая аксиома тоже обосновывается, доказывается и определяется. Таким образом, мы имеем три движения: от оснований к единичному и от него к общему – движение истины от оснований к следствиям; движение внутри этого процесса от единичного к общему и от него ко всеобщему – движение истины от следствий к основаниям, и если в первом движении основание не обосновывается, не доказывается и не определяется, то во втором оно доказывается, обосновывается и определяется; равно и общее – обосновывается, доказывается и определяется в классификационной системе. А третье движение – движение от всеобщего к единичному и от него к общему, а от него ко всеобщему и совместное определение измененным всеобщим общего и единичного в классификационной системе, которое представляется движениями истины в: а) бытии; б) сущности; с) явлении; д) субстанции; е) адстрате или форме неопределенности – расширение и сужение аксиом по объему и содержанию в смене движения, развития, функционирования объекта исследования. Таким образом, мы имеем и не обоснование аксиом, не доказательство – всеобщих и их последующее обоснование, доказательство и определение.

Движение истины от всеобщего к единичному и общему – суть собственно обосновывающий процесс, а движение истины от единичного к общему и обоснование им всеобщего, изменение его формы и собственной формы общего суть открывающий процесс (первый – движение истины от оснований к следствиям, аналитика, а второй – от следствий к основаниям – синтез). Третий процесс и его спецификация – единство обосновывающе-открывающего процесса в классификационной системе субстратного подхода.

Итак, обоснование нами понимается как взаимодействие (в моделировании) в классификационной системе лестниц оснований и основ-субстратов, в которой (классификационной системе) единицы оснований и основ связаны системой формально-логических средств следования, а субстрат – единичный признак сходства, единичный признак тождества (следствие – основание – следствие), единичный признак целенаправленности, единичная форма циклов, единичная форма определения функциональных связей общим классификационной системы или логическое отношение

взаимосвязи единиц, или определения формой причины формы функций задает проступание в движении логических категорий **нового содержания**, которое осмысливается как **истина** в определенных смыслах и значениях, системе определения. Таким образом, оперативно взаимодействуют контекст открытия и контекст обоснования. Но в этой системе можно уже выделить специальные логические процедуры как преимущественно открывающе-обосновывающие и обосновывающе-открывающие.

А) Все процедуры формальных логик, математических логик, логик с тремя значениями и множеством значений – сами по себе не открывающие, а обосновывающие. Но они задают видение определенных онтологий и потому – обосновывающе-открывающие.

Б) Соотнесение формальных процедур с содержаниями делает эти процедуры открывающе-обосновывающими.

В) Связки логических процедур, которые синтезируются в классификационных единицах, – открывающие по преимуществу; это открывающе-обосновывающие процедуры.

Г) Подобными специфическими связками являются базовые рефлексии субстратного подхода: феноменологическая, атрибутивная, функциональная, структурная, субстратная.

Эти рефлексии в пересечении создают напряжение форм общего в сознании, разуме как p_0 (образ пересечения рефлексий) и p_1, p_2, p_3, p_4, p_5 – как стороны антиномий и формы энергетических импульсов сознания. Это и создает энергетическую активность как основу интеллектуальной обращенности на поиск истины и нового. Логико-семиотические P_0 – общее или метаинтерпретанта, а ее отношение к НЕ- P_n как к номинациям, содержащим внутри себя рубрики, – суть особенная интерпретанта, и их в 25-членной классификационной системе (в том числе знаков) – 25.

Рефлексии, конечно, формализуют себя в особенных связях формальных обосновывающих процедур. Но это именно чистые **открывающие** процедуры, частным следствием которых является обосновывающий процесс, который сознательно подстраивается к ним (доказательство). Рефлексии продуцируют не гипотезы: вопросы и определения относительно классов гипотез, которые уже выделяются в синтетической и аналитической формально-логической работе разума.

Д) Чистыми открывающими процедурами являются: соответственно операции рефлексий и личные институции открытия; в классификационной системе – имена институций как предгипотезы, имплицитно содержащие полагаемые, определяемые, исключаемые и совмещаемые, неопределенные свойства, отношения, функции.

Классификационная система субстратного подхода является генератором предгипотез, когда фиксирует номинации, и гипотез, когда фиксирует внутри их рубрики и подводит номинации под ступени сущности.

– Теория открытий и изобретений, логики открытия и изобретения.

– Теория общенаучных исследовательских методов. Теория этнокультурного интеллекта.

– Синтетическая теория истины и заблуждения.

– Общая теория систем, кибернетика и синергетика как частный случай диалектической логики в конкретно-научной форме.

– Теория критики науки, жизни, человека, тектология и праксеология.

Диалектическая логика и диалектика есть системообразующее свойство, отношение, функция, связывающая в целое дифференцированные науки и знания, а изучение ее формирует открывающего этнорасового человека.

Субстратный подход в науке, синтез рефлексий общих – феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, а на этой основе – языков наук на эссенциональной основе, и есть современная форма диалектики и диалектической логики в науке.

Диалектический здравый смысл.

1) Космологический принцип: мир прост и сложен, одного и разного рода, самосогласован и не самосогласован, систем и уникален, абсолютен и относителен.

2) Объекты – одного и разного рода.

3) Рефлексии: синтез феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной рефлексии в формализованной схеме их взаимодействия.

4.1) Эволюция и соотношение абсолютного и относительного, внутреннего и внешнего.

4.2) Динамика и статика процессов, линейность и нелинейность процессов. Теория противоречий совместимости, несовместимости и обоснования, открытия.

5.1) Внешнее управление и самоорганизация.

5.2) Идентификация и идентичность как расы и этноса, отличие от других рас и этносов, от вида *Homo debilis*.

5.3) Телеология расширенного воспроизводства рас и этносов в своем месторазвитии и невыхода за его пределы.

5.4) Моделирование циклов статики и динамики.

5.5) Моделирование системы деятельности, деяния и недеяния.

2. Диалектическая логика в проблеме истины и закона природы в русской философии

Да, мы многим обязаны Европе, но к XX в. определились уникальные основания типично русской философии, которые приведены ниже.

1) Теория реалистических семантик, исходящих из моделей реалистического общего, в которых допускаются особенные формулировки условий истинности, свои системы законов формальной и математической логики, свои системы математической физики.

2) Теория подходов: феноменологического, атрибутивного, функционального, структурного, синтезируемых в системе субстратного подхода, являющегося ядром эссенциальной и культурно-типической научной программы, которой предстоит сменить неокантианскую философию науки (неклассической науки) и стать методологическим основанием постнеклассической науки. Теория марковских процессов и др. А. А. Маркова, теория вероятности А. Н. Колмогорова, нелинейная, неравновесная термодинамика И. Пригожина, эфиродинамика В. А. Ацюковского, квантовая стохастическая механика, основанная на понятии вакуума как твердой упругой среды В. П. Дмитриева, теория численного решения некорректных задач А. Н. Тихонова и др. – все это результаты субстратно-структурно-функциональной типично русской ориентированности мышления сообщества ученых России и мира.

3) Теория содержательного антиномичного вывода на базе синтеза рефлексий при выведении синтаксисов из особенных семантик. Разработка теории содержательного вывода – чисто русское

направление в логике (Н. И. Лобачевский, Н. О. Лосский, П. А. Флоренский, Н. А. Васильев, Л. В. Рутковский, Д. И. Менделеев).

Разработка вывода с движением истины от следствий к основаниям и от оснований к следствиям (обратные задачи – А. Н. Тихонов, В. В. Степанов). Разработка антиномичного типа силлогизма (Н. А. Васильев). Сама антиномия в русской философии понимается иначе, чем у И. Канта. Форма антиномии следующая.

Некоторые S суть P_0 , и все эти S и только они суть P_0 и $HE-P_1$, $HE-P_2$, $HE-P_3$, $HE-P_4$, $HE-P_5$, где $HE-P_1$ – $HE-P_5$ суть образы пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной (различие), а P_0 – область их пересечения. Антиномичность представлена, таким образом, и на стороне P , и на стороне S , а истина движется от следствий к основаниям и от них к следствиям, что и есть сущее – сущность *esse*; *ens* и *essentia*; *esse habens*; *a realibus ad realiora* и *ens realissimum*; *concordantia oppositorum*; *ipsum esse*; *Ens commune*; *actus essendi*; *den logischen Grund*; *den realgrund*; *existentia*; *haecceitas* (это – здесь – и – сейчас как форма индивидуальности); *ressentiment*. Все эти определенности моделируют сущее, единое, все, всеединое, всеединство.

Выполняются законы исключения 2-го, 4-го, 5-го. Закон исключения 2-го: совместимое с P_0 – истинно, а второго – лжи – не дано.

Закон исключения 4-го: $PV \sim PV \approx P \subset S$.

Закон исключения 5-го: $PV \sim PV \approx P \subset S \wedge SV \sim SV \approx S$.

Выполняются постулаты однозначного соответствия: следствиям – основания и основанию – следствия в этом круговороте истины (Н. О. Лосский). Естественно, задается модель абсолютной истины, абсолютной лжи и интервал относительного приближения к истине и ко лжи.

В рамках пяти проекций: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной – мы получаем модель истины вообще, исторической культурно-типической истины применительно к Евразии как особенной форме жизни в истории биосферы планеты. Истинны лишь те интерпретации фактов, которые составляют поле пересечения этих пяти проекций, а также те факты, которые совместимы с ним, не войдя в это поле. Факты, которые несовместимы с этим полем, безусловно, ложны.

Абсолютизация любой одной проекции формирует истину в правдоподобии, но не в полноте, и в конечном счете является ло-

жью. И только пять форм рефлексии определяют аподиктическую истину, историческую истину, носящую индивидуально-общий характер в отношении Евразии и мира. Введем семантическую символическую модель истины, исторической истины как операционального пересечения образов действительности, создаваемых пятью рефлексиями: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной (см. рис.). Соотношение рефлексий формирует суждение вида:

некоторые S суть P_0 (субстрат) \wedge Все эти S и только они суть P_0 (субстрат) \wedge НЕ- $P_1 \wedge$ НЕ- $P_2 \wedge$ НЕ- $P_3 \wedge$ НЕ- $P_4 \wedge$ НЕ- P_5 (совместимые с P_0 проекции при отрицании тех НЕ- P , которые с P_0 несовместимы), где P_0 суть и общее, и единичное, а все НЕ- P суть не фиксируемые в языках формы уникального. И вот это соотношение субстратного общего (и сразу единичного) и множества форм уникального при движении истины от следствий к основаниям и от оснований к следствиям, выражаемое в формально-содержательном антиномичном силлогизме, регулируемом рядом специальных законов логики, и есть русская культурно-типическая модель антиномии. И. Кант этой природы антиномии не осознал, поняв ее западным образом³.

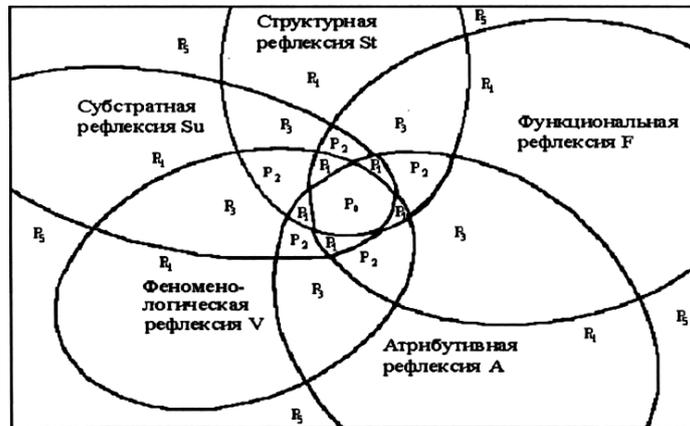

Рис. Схема взаимодействия феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной рефлексии, моделирующих систем истинностных суждений

³ Кант И. Критика чистого разума. – Ростов н/Д., 1999. – С. 400.

Данная символическая модель истины суть переживание единства тождества и различия идеального и реального (P_0), тогда как Д. Юм, И. Г. Лейбниц, И. Кант, Э. Гуссерль их только различают в модели культурно-типического существа, мыслящего в моделях идентитета, психофизического параллелизма, взаимобмена, психофизической редукции и общеличной причинности (совпадения естественных законов и их моделей в сознании). То есть без постановки проблемы психофизической проблемы и того или иного варианта ее решения, т.е. выявления взаимодействия семантик языков в их отношении к онтологиям объектов, **невозможно** построить модель логики. Поэтому как бы Э. Гуссерль ни хотел избавиться от психологизма в наукоучении как чистой логике, он вынужден говорить о рядах материального, реального и идеального, о совпадении переживаний реального – истины как систематического теоретического единства смысла и значения, и идеального – акта суждения и законов логики как идеальных форм, конструкций⁴.

Создадим логико-математическую модель такого рода рефлексивной истины.

Множество (исторических) суждений в зависимости от их истинности в каждой из пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной – разбивается на 32 подмножества:

$$C_5^5 + C_5^4 + C_5^3 + C_5^2 + C_5^1 + C_5^0 = 1 + 5 + 10 + 10 + 5 + 1 = 32.$$

Эти взаимонепересекающиеся 32 подмножества суждений в объединении исчерпывают все рассматриваемое множество исторических суждений.

Область пересечения рефлексий P_0 – подмножество суждений, истинных в каждой из пяти рефлексий, суть аподиктическая истина. Если пересечение рефлексий пусто, $P_0 = VAFStSu = \emptyset$, то можно сделать вывод о неполноте исходного множества суждений, истинных в одной или нескольких рефлексиях, но неистинных в каждой из пяти рефлексий одновременно.

1. Суждения, несовместимые с P_0 , но истинные в нескольких рефлексиях, делятся на $C_5^4 + C_5^3 + C_5^2 = 5 + 10 + 10 = 25$ подмножеств.

⁴ Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. – М.; Минск: Харвест, 2000. – С. 213–217.

Пять подмножеств суждений, истинных в четырех рефлексиях, но ложных в одной:

$$P_1 = (\neg V)AFStSu \cup V(\neg A)FStSu \cup VA(\neg F)StSu \cup VAF(\neg St)Su \cup VAFSt(\neg Su).$$

Десять подмножеств суждений, истинных в трех рефлексиях, но ложных в двух:

$$P_2 = (\neg V)(\neg A)FstSu \cup (\neg V)A(\neg F)StSu \cup (\neg V)AF(\neg St)Su \cup (\neg V)AFSt(\neg Su) \cup V(\neg A)(\neg F)StSu \cup V(\neg A)F(\neg St)Su \cup V(\neg A)FSt(\neg Su) \cup VA(\neg F)(\neg St)Su \cup VA(\neg F)St(\neg Su) \cup VAF(\neg St)(\neg Su).$$

Десять подмножеств суждений, истинных в двух рефлексиях, но ложных в трех:

$$P_3 = VA(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup V(\neg A)F(\neg St)(\neg Su) \cup V(\neg A)(\neg F)St(\neg Su) \cup V(\neg A)(\neg F)(\neg St)Su \cup (\neg V)AF(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)St(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)FS(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)StSu.$$

2. Пять подмножеств суждений, истинных только в одной рефлексии:

$$P_4 = V(\neg A)(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)F(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)St(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)(\neg St)Su.$$

Все суждения любой логической формы, основанные на нескольких из пяти рефлексий, носят только правдоподобный характер.

3. Подмножество суждений, ложных в каждой из рефлексий одновременно: $P_5 = (\neg V)(\neg A)(\neg F)(\neg St)(\neg Su)$.

В системе $1 + 5 + 10 + 10 + 5 + 1$ первая (1) подсистема – форма абсолютной истины, первые 5 подсистем – преимущественно истина и в меньшей степени – ложь в дифференцированной форме; первые 10 подсистем – преимущественно истина и в меньшей степени – ложь в перспективе направления нарастания лжи; вторые 10 подсистем – суть преимущественно ложь и в меньшей степени – истина в перспективе нарастания лжи в дифференцированной форме; вторые 5 подсистем – преимущественно ложных и в меньшей степени истинных в дифференцированной форме в направлении движения к абсолютной лжи; и, наконец, заключительная (1) подсистема – абсолютная ложь в общем интервале движения мысли от лжи к истине и от истины ко лжи, к заблуждению.

Данная концептуализация формы истины фиксирует абсолютную истину (как конструкт), абсолютную ложь (как конструкт)

в абстракциях и потенциальной, и актуальной бесконечности, форму (формы) интервальных моделей истины (например, для области технических наук и т. п.).

В формальном смысле система подсистем (подмножеств) реализует закон абсолютного различения истины и лжи Н. А. Васильева (но в конструктивной предметной форме), законы исключения 2-го, 3-го, 4-го (Н. А. Васильева) и закон исключения 5-го.

Выстроенная система множеств суть система перехода от двузначной логики суждений в каждой рефлексии к многозначной логике, определяющей процесс поиска исторической истины. Это общая логика научного открытия культурно-типического характера.

Такова обобщенная модель абсолютной и относительной истины, конкретно-научной истины в математике, философии, естественных, технических и гуманитарных науках, искусстве, религии в единстве и спецификации.

Современная наука реально отрицает истину, форму абсолютной истины, заменяя ее формой инструментальной, конструктивной, прагматической истины (Е. Вигнер). Истина понимается как форма полезности, приводящая к успеху. Соответственно истина утрачивает онтологический статус блага, а заблуждение утрачивает онтологический статус греха.

Истина определяется как полезное заблуждение и как необходимый элемент в стадиях экспериментирования, само познание понимается как движущееся методом проб и ошибок и необходимо движущее прогресс (вера в прогресс). Никакого абсолютного заблуждения быть не может, успех всегда придет. Мы все впадаем в заблуждение, и нужно жить в заблуждении. Но это заблуждение, как показывает история, ведет к ядерным войнам и исчезновению вида *Homo sapiens*.

Данная концепция истины исходит из определенной модели естественно-научного закона. Эта модель в русской философии представлена следующим образом.

В онтологии предложена концепция синтеза 5 типов естественно-научной законосообразности (ньютоновская линейная модель закона, вероятностная модель закона, бифуркационная модель закона, марковский циклический вероятностный процесс без памяти, марковский циклический вероятностный процесс с памятью) в сис-

теме пространственно-временных форм и видов общего⁶. Закон в субстратном подходе имеет формулу: $\forall xF(x) \rightarrow \exists xFx$, в которой всеобщее определено пространственно-временным общим в ступенях сущности, то есть разными природами в форме их операционального символического взаимодействия, при подчинении общему идентичных локально-общих закономерностей.

В логическом отношении мера общности законосообразности, содержащейся в суждении, устанавливается формой квантора. Выделяются квантор всеобщности, или \forall ; квантор существования \exists ; квантор вероятности, гемиологические кванторы: все, кроме одного, и один из двух подходящих и т. п. (Ч. Пирс); а также квантор совместимости C (Compatibility), или закон исключения пятого в функции определения общим – всеобщего (совмещение общего, всеобщего, единичного). Квантор совместимости требует, чтобы C определило \forall ; выразим этот акт формой: $\forall \leftarrow C$; а также чтобы закон природы формулировался антиномически, как всеобщее и общее и – уникальное, неповторимое. Квантор совместимости C суть закон исключения пятого: P присущ S , P не присущ S , P совместим с S и S субстанциональный присущ соответствующим P , не присущ соответствующим P , совместим с соответствующими P .

Формальная запись закона исключения пятого такова:

$$p \vee \sim p \approx p \subset S \wedge (Sp_{1-5}) \sim Sp \vee \approx Sp.$$

Тогда форма закона природы такова:

$$[\forall x \leftarrow C(x)]Fx \rightarrow \exists x Fx$$

или же:

$$[\forall x \leftarrow (p \vee \sim p \approx p) \subset S \wedge (Sp_{1-5}) \vee \sim Sp \vee \approx Sp] x Fx \rightarrow \exists x Fx.$$

Левая часть с кванторами \forall и C фиксирует определение со стороны C или общего \forall , или всеобщего, различая всеобщее и общее; эти формы общего совместно определяют правую часть или форму уникальности закона: $\exists x Fx$. Знак \rightarrow имеет смысл не включения, а подчинения. Закон сразу – всеобщ, общ, вероятностен, изменяется, имеет момент абсолютной неопределенности (не логичен), уникален и антиномичен в осуществлении.

В такой форме и таким образом понятый закон суть форма не для элиминации парадоксов теорий, а для решений, то есть существ-

⁶ Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – М., 1974.

вующие формулировки законов при их математическом осмыслении порождают парадоксы потому, что редукционно ошибочны символические записи этих законов.

В собственном смысле слова онтолого-символический закон основы суть форма общего, символически связывающая в целое:

– единичный признак сходства онтологий, фиксируемый пятью рефлексиями (реалистическое общее);

– единичный признак тождества этих онтологий (номиналистическое редукционное общее – в редукции тождества и онтологических уровней);

– единичный признак целесообразности движения, развития, функционирования пяти онтологий (концептуалистическое общее);

– единичный ряд общих циклов воспроизводства пяти онтологий (реалистически-номиналистически-концептуалистическое общее) (пять циклов: в бытии, сущности, явлении, действительности, исчезании – становлении объекта);

– единичная общая логическая схема связи, в общем функциональных единичных зависимостей (причинно-функциональное общее в структурной форме).

Закон фиксирует некоторый общий пространственно-временной процесс (пространственно-временная схема причинности в выделенном и универсальном пространстве-времени), который имеет форму повторения, и этот общий процесс определяет всеобщее или сущность, обще-личную причинность и функциональные зависимости на этой основе, порождая: а) то, что есть как сущность – существование постоянно; б) то, что было, но не есть сейчас, что было в эволюции, пространстве-времени единственный раз, породив некоторую сущность с ее существованием, то есть это сущее – сущность – существование, которые делают возможными существующие закономерности, порождают их, но не являются этими закономерностями, сущностями. А общее в этом законе, который бывает в эволюции, жизни, истории один раз – закон субстрата, или субстратное общее, закон основы как субстратно-структурно-функциональное общее в уровне онтологии, входит в иерархию основ – субстратов и оснований (лестниц основ и лестниц оснований).

Речь идет в физическом смысле, например, о законах, которые породили нашу Вселенную и ее современные действующие зако-

номерности; о законах, которые породили эволюцию вообще; о законах, которые породили жизнь и эволюцию жизни; о законах порождения любых действующих устойчивых групп законосообразностей; они должны иметь антиномичную форму, фиксируя и то, что всеобщее, общее, единичное, что повторяется, и то, что неопределенно, бывает один раз, уникально в пространстве-времени и, будучи один раз, более уже никогда не повторяется!

Эта модель закона, естественно, учитывает и его трансцендентальную форму, то есть: а) отображение в форме закона специфики центральной нервной системы человека (ЦНС) вообще (трансцендентальность закона); б) отображение в форме закона антропологии культурно-исторических типов, то есть КПЛ (структура рефлексий: феноменологической, атрибутивной, структурной, функциональной, субстратной); в) отображение в форме закона внутри модели КПЛ языковой формы, формы естественного и искусственного языка, символизма (Э. Сепир, Б. Уорф); г) формы уникального пространства-времени в моделировке фактов и законов (принцип методологического коллективизма, методологического уникализма, методологического индивидуализма в связи).

Вероятно, квантор совместимости S и регулирует антропологическую, языковую, культурно-типическую КПЛ форму записей законов природы и их практическую форму использования человеком в его практике.

Западная модель закона понимает его как всеобщее редуцированное функциональное (не эссенциональное) отношение, которое определяет свойства при исключении уникального, неповторимого, аномалий (единичное как предикативное количественно индивидуальное в функции не есть уникальное и неповторимое). Русская модель закона природы предполагает его антиномичность: и всеобщность, и уникальность, и всеобщую и уникальную траекторию эволюции процесса. Так понимает закон природы, к примеру, А. А. Ухтомский в физиологии. Доминантное возбуждение S суть P_0 (основное диффузное, слабое и интегральное, суммирующее возбуждение, совместимое с возбуждениями местных центров) и НЕ- P_n (торможения в местных центрах местных функций в форме системного возбуждения, продуцирующего специализированную в D новую функцию). При этом изменяется S (суммируя воз-

буждение), P_0 как суммативное возбуждение также изменяется, интегрируя местные центры или $HE-P_n$, то есть местные возбуждения-торможения; истина движется от следствий к основаниям и от них к следствиям (истина движется от следствий [местных центров] к основе – диффузному суммативному возбуждению, от него к основанию – D – возбуждению, от него к основе и затем к следствиям – местным центрам возбуждения). В западной логике истина движется от оснований к следствиям, а от следствий к основаниям движется ложь (К. Поппер).

Фиксированию в науках подлежит и объект-предмет русской культурно-типической формы науки в отличие от западной формы науки, интегрируя и продолжая его и развивая свой.

4. Теория систем, основывающаяся на построении на базе пяти рефлексий системы языков наук, в которых систематизация осуществляется по плюралистической системе форм и видов общего (А. А. Богданов, А. И. Уемов, Д. И. Менделеев, В. С. Тюхтин, Ю. А. Урманцев).

5. Синтез на основе антиномичного типа логики гносеологии, онтологии, логики, ОТС, ценностей методологического коллективизма и индивидуализма, общенаучных и конкретно-научных оснований в конкретно-научных методах в классах наук: математических, естественно-научных (физика, химия, биология), технических, гуманитарных. Существенным основанием этого синтеза служит синтез гносеологии, логики и оснований психофизиологии в моделировке оснований мышления и научного открытия.

Относительно И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Н. Е. Введенского, А. А. Ухтомского, В. Н. Бехтерева, Л. Рутковского, Н. Васильева, В. И. Вернадского должен отметить, что русские историки философии – Н. О. Лосский, В. В. Зеньковский и современные, собственно, – и не считают их творчество философским. Ими анализируются авторы, которые как раз и не имеют ни гносеологии, ни онтологии, ни ОТС, ни логики, и на этом основании делается вывод о ценностном характере русской философии. Это очевидная ложь. Как раз творчество И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Н. Е. Введенского, А. А. Ухтомского, В. Н. Бехтерева, Л. Рутковского, Н. Васильева, В. И. Вернадского, Н. Лобачевского, Д. И. Менделеева, А. А. Маркова, А. Н. Колмогорова, ранее М. В. Ломоносова – ти-

пичная русская *научная философия* и конкретная наука – операционально взаимодействующие в объекте одного и разного рода физиология, психология, физика, химия, математика – в аспектах гносеологии, онтологии, логики, ОТС, семиотики.

Именно жесткая связь философии: гносеологии, онтологии, логики, ОТС, семиотики, лингвистики – с конкретными науками: физикой, химией, биологией, математикой, социологией, экономикой и т. п. – и составляет саму суть типично русской философии!

Все дело в том, что научность этой философии и ее жесткая констелляция с науками оказывается просто не под силу способностям историков философии, которые не могут понимать всей глубины и логики этих философий. Именно понижение уровня гносеологии и логики философии ведет к попытке представить философию вне науки и вне естественно-научной истины.